

Господин Шангуань ещё собирался продолжить уговаривать, как вошёл слуга с сообщением:

— Господин, чуский император прислал человека с указом.

Господин Шангуань взглянул на не желающего шевелиться Лу Це, вздохнул и сказал:

— Раз это императорский указ, то господин Лу, пожалуйста, присоединяйтесь.

Чуский император назначил дворцовый пир на следующий день вечером.

Господин Шангуань, занятый приготовлениями к входу во дворец, больше не беспокоил Лу Це и, взяв слуг, поспешно удалился.

Лу Це отстал от толпы, интуитивно чувствуя, что столица — место бед и опасностей. Сделав пару шагов, его окликнули.

— Разве это не седьмой князь?

Лу Це замер на шагу, обернулся, его острый взгляд устремился на подошедшего. Тот, казалось, совершенно ничего не замечал, тремя шагами взбежал на ступени и с насмешливой улыбкой произнёс:

— Говорят, седьмой князь вернулся в страну, сначала все не верили, но взгляните-ка, вот же он перед нами!

Голос у того был очень громким, проходившие мимо Приказа Хунлу простолюдины тоже привлеклись его криками, обернулись и посмотрели в их сторону.

Лу Це усмехнулся. Тот человек хотел подойти ещё ближе, но рядом сразу же появился охранник из Великой Чжоу, вставший перед Лу Це, прикрыв его.

Лу Це узнал его — это был человек Чжоу Таньиня. Он слегка кивнул, на лице появилась тень благодарной улыбки, затем повернулся и, глядя на одетого в парчу и шёлк молодого аристократа перед ним, спокойно произнёс:

— Я покинул Великую Чу несколько лет назад, но не знал, когда же у ворот Приказа Хунлу стало позволительно орать всяким кошкам да собакам?

Его голос был очень твёрдым, взгляд скользнул по молодому аристократу перед ним, невозмутимо и с достоинством.

— Неужели действительно времена меняются.

Молодой аристократ в парче выглядел не очень хорошо, его лицо попеременно бледнело и краснело. Видя, что Лу Це невозмутим, в конечном счёте, это была его оплошность. Хотя Лу Це и отправился в Великую Чжоу в качестве заложника, но в конце концов он был князем императорской крови. В его сердце зашевелилась скрытая досада — на мгновение потерял голову. Поняв это, он тоже начал тайно сожалеть о своей болтливости, теперь оказался в неловком положении и с неловким выражением лица пробормотал:

— Седьмой князь шутит.

— Ещё не ушёл? — приподнял бровь Лу Це. — Или принести каменного льва с ворот, чтобы ты посидел и освежился?

Хотя была только начало осени, но казалось, она покрыла лицо человека перед ним инеем. После тяжёлой болезни Лу Це кожа его стала белой, как снег. Сначала он казался хрупким, как ива, но при близком рассмотрении выглядел мрачным и холодным.

Молодой аристократ в парче поспешно ретировался.

Как только он ушёл, собравшиеся поглазеть на зрелище тоже постепенно разошлись.

Однако этот незначительный, но и не мелкий инцидент у ворот Приказа Хунлу вскоре распространился повсюду.

* * *

Государь Великой Чу, император Чэндэ, издал указ: устроить пир во Дворце Фэнъян для приёма посольства Великой Чжоу.

Пир был великолепен, ветер развевал широкие рукава, играли цитры и флейты. В сияющем золотом величественном зале чокались бокалы, по обеим сторонам зала музыканты играли на струнных и духовых инструментах, их мелодии были плавными, звук витал в воздухе.

Снаружи зала раздались три длинных возгласа, пронзительный голос евнуха разнёсся эхом:

— Объявляется прибытие посольства Великой Чжоу!

По окончании слов вошла группа из Великой Чжоу, прибывшая в Чу, посольство во главе с господином Шангуанем.

Рядом евнух развернул документ в руках, перед глазами предстал длинный список разнообразных даров — всевозможные диковинные сокровища, демонстрирующие бесконечную роскошь.

Каждый раз, когда евнух зачитывал название предмета, один человек выходил вперёд с лакированным красным подносом, поднося драгоценность. Янтарные, стеклянные, фарфоровые чаши и бокалы в ярком свете величественного зала ещё больше подчёркивали сияние и переливы, ослепительные и красочные.

Такое расточительство и богатство могли позволить себе лишь в Великой Чжоу.

Когда евнух дошёл до последнего пункта, его голос дрогнул, брови дёрнулись, он осторожно взглянул на сидящего наверху императора Чэндэ.

Евнух Гао, прислуживающий у трона, подошёл, принял документ со списком, и его лицо мгновенно приняло загадочное выражение. Но в конце концов, он был старшим управляющим, повидавшим вместе с императором Чэндэ множество бурь. Почти мгновенно он сложил документ.

И громко провозгласил:

— Объявляется прибытие седьмого князя Лу Це!

Его голос был невероятно пронзительным, пробился сквозь шум многочисленных гостей внизу, сквозь звуки музыки снаружи зала, прямо в уши каждого.

Веселье и смех собравшихся гостей на мгновение замерли, пока за дверями зала не появился

человек. Все пригляделись: вошедший был изящен, как испуганная летящая утка, грациозен, как плывущий дракон. При свете, ярком, как день, его брови были подобны далёким горам, дымка стелилась косо, туман вился.

Его глаза сияли, как весенние воды, завораживали, волновали душу, стоило увидеть — забыть невозможно.

Фу Чэнцы, естественно, тоже смотрел на вошедшую фигуру. Сжимая в руке бокал, он невольно усилил хватку, взгляд его мгновенно стал ледяным, словно желая разобрать человека на части.

Каждый шаг Лу Це был твёрдым и неторопливым. Взгляды, устремлённые на него со всех сторон, были словно колючки, жгучие и пронзительные.

Проходя мимо столиков справа, он на мгновение замедлил шаг, слегка склонил голову. Свет от ламп упал на его брови, кончик носа, затем на губы, отбросив на лицо изящную и мягкую тень.

Стоило лишь слегка повернуть голову, и можно было встретить ещё более горящий взгляд рядом, но он не сделал этого, а ускорил шаг и подошёл перед императором Чэндэ.

Всего лишь расстояние между остановкой и шагом, но Фу Чэнцы беспричинно почувствовал лёгкое напряжение, рука под столом невольно сжалась так, что пальцы побелели.

Не выдохнул ли он облегчённо, не то от разочарования, не то от облегчения.

Только после того, как Лу Це и посольство Великой Чжоу расселись, певицы, музыканты и танцовщицы официально вышли на сцену.

Взгляд Лу Це упал на танцовщиц. Их широкие рукава закручивались в красивые узлы, тонкие, как крылья цикады, одежды прилегали к коже, оттеняя нежную кожу девушек, делая её влажно-сияющей.

Лу Це опустил голову, прикрыв рот рукавом, и тихо закашлял.

Находившийся рядом евнух быстро спросил:

— Ваша светлость, не убрать ли вино и не подать ли чаю?

Рука Лу Це на коленях невольно сжалась в кулак. Он слегка запрокинул голову, обнажив участок белой шеи, свободной рукой потер горло. Подождав, пока дискомфорт в горле утихнет, покачал головой, отказав слуге.

Его лицо от кашля покрылось лёгким румянцем, что ещё больше оттеняло его красоту.

Подняв голову, он встретился взглядом с Фу Чэнцы прямо напротив. Он слегка удивился, затем расплылся в беззаботной, яркой улыбке и издали поднял бокал в приветствии.

Оба, словно сговорившись, осушили бокалы до дна, жгучее пламя разлилось от сердца.

Рядом с Фу Чэнцы, ближе к императорскому месту, сидел Лу Юй. Они сидели очень близко, на расстоянии примерно вытянутой руки.

Лу Це давно не пил вина, чувство жжения внутри долго не утихало. Он попросил у евнуха рядом чашку тёплой воды.

Снова оглянувшись, он увидел, что двое за столиком напротив в какой-то момент сблизились, беседовали очень оживлённо. Вид Лу Юя, склонившего голову и тихо улыбающегося, встретившись с повернутым к нему лицом Фу Чэнцы, был похож на влюблённую пару, ласкающуюся щека к щеке.

Сердце Лу Це на мгновение похолодело, как же это неприятно.

Не дождавшись тёплой воды от евнуха, Лу Це с горькой улыбкой отвёл взгляд, налил себе ещё и выпил одним глотком.

Даже глаза его покрылись тёмно-красным оттенком.

После трёх кругов вина, пир приближался к концу, все не могли избежать опьяняющего воздействия.

После окончания пира Лу Це вместе с господином Шангуанем вышли из Дворца Фэнъян. Его мысли были не здесь, господин Шангуань, старый и уже изрядно захмелевший, бормотал и вздыхал, но Лу Це был рассеян, смотрел по сторонам.

Ветер за пределами зала развеял немного хмель, господин Шангуань тоже немного протрезвел. Рядом чиновники Великой Чу разошлись почти все. Видя, что Лу Це рядом нисколько не проявляет нетерпения, по-прежнему слушает его бесконечную речь, он вдруг растрогался.

Приведя себя в порядок, господин Шангуань расплылся в горячей улыбке:

— Этот старик в порядке, пойдём.

Лу Це слегка кивнул, с улыбкой, от которой искрились глаза, сказал:

— Господин Шангуань, смотрите под ноги ночью, идите медленно, не провожаю.

Господин Шангуань:

Напрасно этот старик растрогался!

После того как тот ушёл, за пределами зала мгновенно стало тише. На тысячеступенчатых ступенях Дворца Фэнъян открывался широкий вид. Даже ночью, несмотря на комендантский час, ночной рынок был по-прежнему ярко освещён и оживлён.

Прождав долго, он наконец дождался двух человек, выходявших плечо к плечу. Лу Це подошёл, остановился перед наследным принцем и совершил поклон.

Увидев его, в глазах Лу Юя промелькнуло удивление.

— У седьмого брата ещё есть дела?

Лу Це:

— Просто в чужой стране, давно не видел родных, вот и подумал пройтись вместе со старшим братом.

Сказав это, он взглянул на Фу Чэнцы напротив, улыбнулся искривлёнными губами.

— Князь Цзянбэй, надеюсь, вы не против?

Фу Чэнцы, сдерживая желание разорвать его в клочья, покачал головой. Родные братья хотят поговорить по душам — разве он может помешать?

* * *

[Благодарю за прочтение]

[Это вторая обновлённая глава с опозданием]

[Спокойной ночи]

|

<http://bllate.org/book/15603/1392836>